

На правах рукописи

БУДЕННАЯ ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**ЭВОЛЮЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ
В ЯЗЫКАХ БАЛТИЙСКОГО АРЕАЛА**

Специальность 10.02.20 –
«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: **Кибрик Андрей Александрович**,
доктор филологических наук, директор ФГБУН
Институт языкознания РАН, зав. отделом типологии
и ареальной лингвистики ФГБУН Институт
языкознания РАН, профессор филологического
факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Официальные оппоненты: **Пичхадзе Анна Абрамовна**,
доктор филологических наук, главный научный
сотрудник ФГБУН Институт русского языка имени
В. В. Виноградова РАН

Аркадьев Петр Михайлович,
кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник Отдела типологии и сравнительного
языкознания ФГБУН Институт славяноведения РАН

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится 08 ноября 2018 г. в 12.30 на заседании Диссертационного
совета Д 002.006.03 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009,
г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт
языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1,
а также на официальном сайте Института языкознания РАН [http://iling-
ran.ru/main/theses/budennaya](http://iling-ran.ru/main/theses/budennaya).

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат филологических наук

Сидельцев А. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена сравнительному диахроническому исследованию субъектной референции в четырех языках балтийского ареала – русском, латышском, ижорском и водском, выявлению возможных внутренних и внешних причин перестройки референциальной стратегии в каждом из исследуемых языков.

Актуальность исследования определяется тем, что референциальная модель, представленная в исследуемых языках, – двойное маркирование субъекта с помощью личных местоимений и глагольных аффиксов, с возможностью опущения местоимения в ряде случаев (рус. **(я)** *хочу домой* ~ лат. **(es)** *gribu majās* ~ иж. **(miä)** *tahon kottii*), – сама по себе является крайне редкой и экзотичной среди языков мира¹, что на данный момент недостаточно осознано в лингвистике. При этом во всех исследуемых языках нынешней местоименно-аффиксальной стратегии в диахронической перспективе предшествовала² намного более частотная аффиксальная модель, представленная на данный момент приблизительно в 61% языков мира³. В связи с этим возникает необходимость детального изучения генезиса типологически редкого и малоизученного местоименно-аффиксального типа. Данная задача актуальна и с позиций ареальной лингвистики: все рассматриваемые в работе языки являются языками одного ареала – территории, расположенной к востоку от Балтийского моря, – однако в ареальных исследованиях стратегии маркирования субъектной референции на данный момент детально не изучались.

¹ См., в частности, выборку из 400 языков мира *Siewierska A. Person*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 268.

² Об аффиксальной стратегии маркирования субъекта, с преимущественно нулевым местоимением, в индоевропейском см. *Adams D. Q., Mallory J. P.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World. Oxford: University Press, 2006. P. 60. О большинстве уральских языков, сохраняющих преимущественно аффиксальную стратегию, см. обзор *Kibrik A. A.* Peculiarities and origins of the Russian referential system. // *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska.* / D. Bakker, M. Haspelmath M. (eds.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 227-263.

³ *Dryer M.S.* Expression of pronominal subjects. // *World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool.* / M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. URL: <http://wals.info/feature/101A>

Предметом диссертационного исследования является типологически редкий вид двойного маркирования референции с помощью глагольных аффиксов и факультативных личных местоимений, представленный в современном русском, латышском, ижорском и водском языках.

Объектом исследования выступают именные и глагольные клаузы с нулевым подлежащим или подлежащим-местоимением, взятые из текстов XI-XXI вв.

Материалом исследования служат древне- и великорусские памятники XI-XVII вв. (древне- и старорусский разделы Национального корпуса русского Языка, электронная библиотека деловых документов «Восточная литература»⁴), художественные тексты из собрания «Библиотека литературы Древней Руси»⁵); латышские памятники XVI-XX вв. (корпуса текстов SENIE⁶, ledus⁷, тексты из параллельного русско-латышского корпуса, созданного на платформе Национального корпуса русского языка в 2014-2016 гг.⁸), водские и ижорские тексты XIX в. (сказки, записанные в первых грамматиках А. Алквиста⁹ и В. Поркки¹⁰) и XX вв. (полевые записи Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус).

Цель работы заключается в поиске ответа на вопрос о том, имеет ли современная референциальная стратегия в русском, латышском и двух исследуемых прибалтийско-финских языках единую природу, или же речь идёт об исходно разных явлениях, с течением времени конвергировавших в схожую языковую картину.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**:

1) максимально восстановить картину становления современной референциальной эволюции для русского и латышского языков, проанализировать имеющиеся данные в отношении водского и ижорского языков;

⁴ <http://vostlit.info/>

⁵ <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070>

⁶ <http://senie.korpuss.lv/>

⁷ <http://www.korpuss.lv/>

⁸ <http://ruscorpora.ru/search-para-lv.html>, ок. 800 тыс. словоупотреблений.

⁹ Ahlqvist A. Wotisk grammatik jemte sprakprof och ordforteckning. Helsingfors, 1856. (Acta Societatis Scientiarum Fennicae VI).

¹⁰ Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885.

- 2) установить внутриязыковые сходства и различия в эволюции субъектной референции в исследуемых языках;
- 3) проанализировать возможные внешние факторы, которые могли оказать влияние на становление современного типа субъектной референции в русском, латышском, ижорском и водском языках (собственно межъязыковой контакт VS совместное заимствование из третьего языка/языков VS независимое заимствование референциальной модели из третьего языка/языков, проявившееся в балтийских, восточнославянских и прибалтийско-финских языках в разное время);
- 4) проследить соотношение внутренних и возможных внешних факторов, сыгравших роль в референциальной эволюции исследуемых языков.

Для решения поставленных задач использовался комплекс следующих **методов:** метод диахронического анализа, заключающийся в последовательном хронологическом описании референциальной стратегии в текстах XII-XXI вв., с разделением 1-го/2-го VS 3-го лиц, с последующим статистическим методом анализ данных в программе SPSS.

Методологической базой диссертационного исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в различных отраслях гуманитарного знания:

- труды по славистике В. И. Борковского, А. А. Зализняка, А. А. Пичхадзе, Р. Майера, Х. Юнга;
- исследования по типологии анафоры и личного маркирования в языках мира Л. Стассена, А. Северской, М. Драйера, А. А. Кибрика;
- исследования, посвященные генеративному синтаксису и диахроническим изменениям в личном глагольном маркировании: работы Г. Мюллера, Х. А. Сигюрдссона, А. Алексиаду и А. Анагнастопулу;

- работы по морфологии и синтаксису балтийских языков Н. Нау, А. Хольфута, Э. Даля, Б. Вимера, П. М. Аркадьева;
- работы по социолингвистической ситуации в Великом Новгороде и Риге в эпоху торговли с Ганзой: исследования Е. Р. Сквайрс, С. Н. Фердинанд;
- работы по социолингвистической ситуации в современной Ингерманландии, а также глоссированию старых ижорских и водских текстов Ф. И. Рожанского, Е. Б. Маркус, Т. Б. Агранат, И. С. Николаева.

Научная новизна работы заключается в том, что в данной работе впервые осуществляется сопоставительный анализ референции в отношении ряда ареально смежных языков. Кроме того, в настоящей работе как в отношении собственно латышской, ижорской и водской субъектной референции, так и в отношении сравнения этих языков с восточнославянскими впервые был применен диахронический подход. Также существенно новым является состав и объем языкового материала, привлеченного к анализу: данное исследование является самым крупным по количеству проанализированных памятников XI-XVII вв. Итоговый объем проанализированных релевантных клауз составил около 3000 единиц, что существенно превосходит объем данных других диахронических исследований. Кроме того, в диссертации к сопоставительному анализу впервые были привлечены латышские, водские и ижорские тексты.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Экспансия местоимений в древнерусском языке произошла вследствие совместной утраты глагольной связки 3-го лица в перфекте (*даль есть* > *даль Ø_{cop}* > *он дал*), и утраты связки 3-го лица в именных клаузах

(*князь есть* > *князь Ø_{cop}* > *он князь*), а не вследствие одной лишь утраты глагольной связки в 3-м лице перфекта, как это считалось ранее¹¹.

2. Раздельное исследование древнерусских текстов бытового, делового и книжного позволяет более детально отследить этапы референциальной эволюции: в частности, именно данные деловых (а не бытовых) памятников отражают более раннюю экспансию местоимений в претеритных клаузах по сравнению с презентными клаузами.
3. Экспансия местоимений в латышском языке, несмотря на некоторую внешнюю схожесть с современным русским языком, в диахронической перспективе не является следствием утраты связок. Вероятным внутренним триггером к экспансии местоимений в латышском языке представляется системная утрата личной флексии в условном наклонении: *mes redzētu-m* > *mes redzētu-Ø* ‘мы бы видели’; *jus redzētu-t* > *jus redzētu-Ø* ‘вы бы видели’ (ориентировочно XVI-XVII вв., данные грамматики Х. Адольфи¹²). Эта системная утрата коренным образом отличает латышский язык от соседнего литовского, где немаркированной референциальной стратегией продолжает оставаться безместоименная аффиксальная, и согласовывается с генеративной теорией Г. Мюллера¹³, объясняющей экспансию местоимений в ряде языков через «обеднение глагола»¹⁴.
4. Эволюция малых прибалтийско-финских языков, прослеживаемая по памятникам XIX-XX вв., диахронически отличается от русского и

¹¹ См., в частности, *Борковский В. И.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков 2, Члены предложения. М.: Наука, 1968. С. 50; *Lindseth M.* Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. München: Sagner, 1998. P. 65; *Kibrik A. A.* Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma? // Proceedings of the 5th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium (DAARC) / A. Branco, R. Mitkov, T. McEnery (eds.). Lisbon: Edicoes Colibri, 2004. P. 89.

¹² *Adolphi H.* Erster Versuch einer kurz-verfassten Anleitung zur lettischen Sprache. Mitau: Radetzky, 1685. Pp. 79-83

¹³ *Müller G.* Pro-drop and Impoverishment. Ms. URL: <http://home.uni-leipzig.de/muellerg/mu64.pdf>. P. 4

¹⁴ Термин взят из концепции распределенной морфологии М. Халле и А. Марранца (*Halle M., Marantz A.* Distributed morphology and the pieces of inflection. // The view from building 20. / Hale K., Keyser S. J. (eds.) Cambridge, MA: The MIT Press. Pp. 111-176.

латышского сценария и объясняется с позиции внешнего контакта (увеличение языковой сложности¹⁵, частным случаем которой как раз является появление дополнительных субъектных местоимений, в дополнение к имеющейся аффиксальной стратегии), а не внутриязыковых процессов, имевших место в истории других рассмотренных нами языков.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены и обсуждены на IX и XIII Конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г., ноябрь 2017 г.), XX и XXIII Международных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, апрель 2013 г. и апрель 2016 г.), Международной славистической конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (Москва, ноябрь 2013 г.), Четвёртой конференции по общему, скандинавскому и славянскому языкознанию для студентов и аспирантов GensLing (Москва, октябрь 2016 г.), Восьмой тематической конференции серии “Типология морфосинтаксических параметров” (Москва, октябрь 2018 г.); летней лингвистической школе Academia Grammaticorum Salensis Quarta Decima (г. Салос, Литва). Статистический метод исследования был отдельно представлен на Шестой международной конференции по когнитивной науке CogSci (Калининград, июнь 2014).

Структура диссертации определяется ее целью и поставленными задачами и состоит из введения, пяти глав, заключения, приложения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются тема, объект и предмет исследования, раскрываются актуальность темы и ее научная новизна, обосновывается

¹⁵ Trudgill P. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity, 2011. Oxford: Oxford University Press. P. 61

теоретическая и практическая значимость диссертации, формулируются задачи и цель работы, разъясняется терминология, принятая в диссертации.

В главе 1 «Субъектная референция и способы ее выражения. Проблемы терминологии» представлен обзор научной литературы по проблематике диссертации, раскрываются ключевые понятия: «*субъектная референция*», «*редуцированная субъектная референция*», «*местоименная стратегия*», «*аффиксальная стратегия*»; дается описание маркирования редуцированной субъектной стратегии в языках мира (личные местоимения VS глагольные аффиксы) и демонстрируется редкость смешанной местоименно-аффиксальной модели среди языков мира. Попутно в главе разбираются достоинства и недостатки фигурирующих в литературе терминов, имеющих отношение к субъектной референции (“*pro-drop*”, “*free/bound pronouns*” и др.). Также приводятся современные функционалистские и генеративистские теории, объясняющие отдельные положения по взаимосвязи между наличием/отсутствием субъектного местоимения и наличием/отсутствием глагольного аффикса в языках с личным согласованием.

В разделе **1.1.** кратко описывается современная местоименно-аффиксальная модель в русском, латышском, ижорском и водском языках (рус. *(я) хочу домой* ~ лат. *(es) gribu mājās* ~ иж. *(miä) tahon kottii*) в синхронической и диахронической перспективе. Имеющиеся данные отражают тот факт, что все рассматриваемые языки в ходе своей истории эволюционировали от частотного аффиксального типа (данный тип и в наше время представлен в 61% языков мира, включая почти все западно- и южнославянские, романские, литовский, многие финно-угорские) в сторону гораздо более редкого местоименно-аффиксального типа, который, помимо рассматриваемых языков и германской группы, представлен лишь в единичных австронезийских и папуасских языках.

В разделах **1.2-1.3** представлены основные положения функционалистского подхода, затрагивающие референциальную проблематику. Центральной идеей этого подхода, применительно к редуцированной субъектной референции,

является фундаментальное противопоставление 1-го/ 2-го VS 3-го лица¹⁶. В конкретных языках эта оппозиция проявляется в том, что референция к 3-му лицу, в противоположность 1-му и 2-му лицам, может осуществляться с помощью любых лексических выражений, а не только с помощью собственно личных маркеров (местоимений или соответствующих аффиксов). В силу этого во многих языках специальные маркеры 3-го лица отсутствуют, а их функцию выполняют демонстративы (ср. рус. *он*, восходящее к указательному местоимению *оный*); в тех же языках, где присутствуют маркеры всех лиц, 3-е лицо часто выражается способами, отличными от 1-го и 2-го лица¹⁷. Зачастую таким способом является нулевое маркирование, встречающееся во множестве языков практически по всему земному шару¹⁸ [Bhat 2007: 37; 74]. В рассматриваемых в работе языках этот факт также находит параллели: частным случаем оппозиции 1-го/ 2-го VS 3-го лица служит значительно более высокое распространение нулевой связки 3-го лица, по сравнению со связками 1-го/ 2-го лиц¹⁹. Последнее отчетливо проявляется и в истории русского языка, и в балтийских языках, где связки 3-го лица хоть и не утратились полностью, однако опускаются существенно чаще связок 1-го и 2-го лица²⁰ [Nau 1998: 39]. В истории водского и ижорского языков наблюдается доминирование аффиксальной стратегии с нулевым местоимением в 3-м лице (сказки XIX в.), тогда как в 1-м и 2-м лицах уже в самых ранних памятниках немаркированной является местоименно-аффиксальная модель.

В разделе **1.4** излагаются основные термины, существующие в функционалистском и в формальном подходе конкретно в отношении субъектной референциальной стратегии («горячие»/ «холодные» языки; языки *pro-drop* VS *non-pro-drop*; partial/ consistent Null Subject Languages); разбираются достоинства

¹⁶ См., например, *Haspelmath M.* Argument indexing: A conceptual framework for the syntax of bound person forms. // *Languages across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska.* / D. Bakker D., M. Haspelmath, M. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2013. Pp. 197-226.

¹⁷ *Siewierska A.* Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 6.

¹⁸ *Bhat D. N. S.* Pronouns. New York: Oxford University Press, 2007. Pp. 37, 74.

¹⁹ *Stassen L.* Typology versus Mythology: the Case of the Zero-Copula. // *Nordic Journal of Linguistics.* Vol. 17. No. 2. 1997. Oslo, Copenhagen, Stockholm: Scandinavian University Press. Pp. 111.

²⁰ См., в частности, *Nau N.* Latvian. München: Lincom Europa, 1998. P. 39.

и недостатки каждого из этих терминов, анализируется популярность термина *pro-drop* и его критика в функционалистской типологической литературе.

В разделах **1.5-1.6** подробно расписываются имеющиеся генеративные подходы к субъектной референциальной стратегии типа русской, латышской и ижорской. Отмечается, что формальная генеративная модель, объясняющая корреляцию нулевых местоименных подлежащих (*pro*) с развитым лично-числовым согласовани²¹ в языках типа итальянского (а также древнерусского, из представленных в работе) не позволяет объяснить диахроническое развитие местоименно-аффиксальной стратегии из «устойчивой» аффиксальной. Объяснение последнему было выдвинуто Г. Мюллером²² для языков типа немецкого, где, аналогично русскому и латышскому, сохранилась развитая глагольная флексия, однако с течением времени распространились дополнительные субъектные местоимения: *ich glaub-e* ‘я думаю’, *du glaub-st* ‘ты думаешь’, *er glaub-t* ‘он думает’. Г. Мюллер обратил внимание на системный синкретизм глагольных форм 1PL (*wir glaub-en* ‘мы думаем’) и 3PL (*sie glaub-en* ‘они думают’), присутствующий наряду с дифференцированной флексией в остальных формах и выдвинул следующее предположение: в случае системного синкретизма хотя бы в двух формах можно говорить о том, что глагол подвергся так называемому «обеднению» и уже не может однозначно идентифицировать *pro*. В силу этого в языке распространяются личные местоимения. Данный факт хронологически подтверждается на материале древневерхнегерманского²³ и древнеанглийского²⁴ языков: экспансия местоимений следует сразу после развития синкретизма глагольных форм. Эта теория была в дальнейшем проверена на диахроническом материале русского (утрата глагольных связок, содержащих личные аффиксы, в перфекте и именных клаузах) и латышского языков.

²¹ Rizzi L. Null Objects in Italian and the theory of *pro*. // Linguistic Inquiry 17, 1986. Pp. 518-523.

²² Müller G. Pro-drop and Impoverishment. 2005. Ms. URL: <http://home.uni-leipzig.de/muellerg/mu64.pdf> .

²³ Axel K. Studies in Old High German syntax. Left sentence periphery, verb Placement and verb-second. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 322.

²⁴ См., в частности, Gelderen E. van. Pro-drop and Pronominal Subjects: Reanalyzing features in the history of English. Paper for a conference in Regensburg, 2011. URL: <http://www.public.asu.edu/~gelderer/Pro-regensburg.doc>

В Главе 2 «Субъектная референция в истории русского языка» осуществляется подробный диахронический анализ памятников древне- и великорусского языка XI-XVII вв. на предмет изучения референциальной эволюции. В анализе принимали участие три основных типа клауз – именные²⁵ (*стар есмь/я стар*), глагольные презентные (*ѿ даю/ я даю*) и глагольные перфектные, ставшие впоследствии клаузами нового прошедшего времени на -л (*дал есмь/я дал/ѿ дал*). Все они с течением времени подверглись референциальной перестройке: в именных презентных и глагольных перфектных (претеритных) клаузах личные местоимения заняли место утратившейся глагольной связки, ранее выполнявшей референциальную функцию, тогда как в презентных клаузах местоимения стали дополнительным членом, дублирующим референциальную функцию глагольных аффиксов. Выделение именных клауз в отдельную выборку с дальнейшим анализом было обусловлено тем, что, по данным А. А. Зализняка, именно в них экспансия местоимения завершилась раньше всего²⁶ – однако ни в одном дальнейшем исследовании русской референциальной перестройки этот тип клауз не фигурировал. Данная работа восполняет этот пробел.

В разделе 2.1 сравниваются данные древнерусского и современного русского языков, по которым можно отчетливо видеть, как эволюционировала референциальная стратегия за 900 лет (пример 1):

(1)

Берестяная грамота № 644, нач. XII в.	Современный перевод А. А. Зализняка
<p style="text-align: center;"><i>От нѣжеке ко завиду чемоу не восолещи что ти есемо водала ковати · я дала тобѣ а нѣжатѣ не дала ·</i></p>	<p style="text-align: center;"><i>От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате.</i></p>

²⁵ Здесь и далее под именными клаузами подразумеваются именные презентные клаузы. Именные претеритные клаузы в этой работе не рассматривались ввиду очень малого количества в древних текстах XII-XVII вв. (5 примеров на приблизительно 5000 клауз).

²⁶ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008. С. 255.

<p><i>али чимо есемо виновата</i> <i>а восоли отроко ·</i> <i>а водале ми еси хамече ·</i> <i>а чи за то не даси ·</i> <i>а восоли ми вѣсть ·</i> <i>а не сестра я вамо</i> <i>оже тако дѣлаете</i> <i>не исправить ми ничето же ·</i></p>	<p><i>Если я что-нибудь должна,</i> <i>то посылай отрока.</i> <i>Ты дал мне полотнишко;</i> <i>если поэтому не отдаешь,</i> <i>то извести меня.</i> <i>А я вам не сестра,</i> <i>раз вы так поступаете,</i> <i>не исполняете для меня ничего!</i></p>
---	--

После обзора исходных данных в разделе анализируются основные гипотезы о причинах референциальной перестройки, высказываемые различными учеными. Основной обзор занимает анализ гипотезы о падении глагольной связки в 3-м лице перфекта (*далъ есть* > *далъ* \emptyset_{cop} > *он дал*), спровоцировавшей, по мнению большинства исследователей (Р. Якобсон, В. И. Борковский, М. Линдсет, А. А. Кибрик), аналогичную утрату связок в 1-м и 2-м лицах (*далъ есмь* > *я дал*), в силу чего однозначная идентификация референта стала невозможной и возникла необходимость в постановке личного местоимения; в дальнейшем, согласно этой гипотезе, местоимения аналогичным образом распространились и на презентные клаузы, изначально не предполагавшие никакой неоднозначности. В работе демонстрируются сложности, возникающие при попытке принятия этой гипотезы, - 500-летний временной разрыв между утратой связок 3-го лица и утратой связок 1-го/2-го лица, не позволяющий говорить о том, что первое стало однозначной причиной второго, а также редкость подобного развития событий в языках мира в целом (нулевая связка 3-го лица, в противоположность выраженной связке 1-го/2-го лица – типологически частое явление).

В разделах **2.2-2.3** описываются принципы отбора текстов для поставленной задачи. В силу того, что древнерусская литература представляла собой крайне неоднородный в языковом отношении корпус памятников, включающий в себя и книжные тексты, написанные под сильным влиянием церковнославянского языка, и деловые документы, и бытовые памятники (самый известный пример последних

– берестяные грамоты), в работе было принято решение не объединять все данные в единый корпус, а предварительно разбить их по трем стилям – бытовому, деловому и художественному (=книжному) на основании лексико-грамматических характеристик. Разделение по стилям осуществлялось не только для целых текстов, но и, в случае исторических повестей и летописей, для их фрагментов, поскольку тексты этого жанра²⁷ могли сочетать в себе и традиционно-книжный нарратив, и бытовой диалог, и деловое письмо, по своим лексико-грамматическим характеристикам не отличающиеся от аналогичных памятников соответствующего жанра. В частности, на книжный и бытовой компонент разделялись такие памятники, как Киевская летопись по Ипатьевскому списку (XII в.) и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (XV в.).

В разделе 2.4 описываются основные типы клауз, которые предварительно отфильтровывались из выборки. К ним относятся:

- Клаузы с неоднозначной семантикой бытийного глагола, которые могли быть истолкованы либо как именные связочные, либо простые глагольные (в случае локативного или экзистенциального значения *быть*). Как правило, эти клаузы содержали в себе нулевой глагол *БЫТЬ* и существительное с предлогом:

(2) *язо Ѡ во пороуки* за сироти ‘Я поручаюсь за сироту’ (Берестяная грамота 59, XIV в.)

- Клаузы с обязательным (эмфатическим или контрастивным)²⁸ местоимением.

В разделе 2.5 происходит непосредственный анализ именных клауз, извлеченных из памятников XII-XVII вв. В силу малого количества данных, для

²⁷ Ряд авторов (В. М. Живов, М. И. Шевелева и др.) применяет в отношении исторических повестей и летописей термин «гибридные» тексты. См., например, статью *Шевелева М. Н.* Некнижные конструкции с формами глагола «быти» в псковских летописях. // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. / А. М. Молдован (отв. ред.). — М.: ЯСК, 2006. С. 215-241.

²⁸ О критериях выделения «обязательных» местоимений см. *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008. С. 242.

достоверного статистического анализа именные клаузы, извлеченные из бытовых и деловых памятников, в данном разделе объединялись в одну выборку под более общим понятием «некнижного» стиля – в противовес книжным памятникам. Все вхождения клауз распределялись по трем параметрам:

- 1) Наличие/отсутствие местоимения;
- 2) Наличие/отсутствие глагольной связки;
- 3) Лицо субъекта (1-е/2-е VS 3-е).

Затем в программе SPSS при помощи биномиального критерия осуществлялась статистическая проверка гипотезы о доминировании того или иного типа конструкций в один из следующих временных периодов: 1) XI-XII вв.; 2) XIII – 1-я пол. XIV в.; 3) 2-я пол. XIV-XV вв.; 4) XVI-1-я пол. XVII вв.

Итоговое количество вхождений составило 63 клаузы некнижного стиля и 356 клауз книжного стиля, из них значимые отличия выявились в клаузах со сказуемым-существительным.

Дальнейший статистический анализ этих клауз выявил, что в книжном стиле в 1-м и 2-м лице на протяжении всего времени основной моделью была трехчленная связочная (типа *я есмь князь*), совершенно нехарактерная для некнижных текстов. В последних же основная экспансия местоимений началась к концу XIII в., с началом массового падения связок в 3-м лице и последующего распространения местоимений 3-го, а затем и 1-го/2-го лиц (табл. 1):

		XI-XII	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV- XV вв.	XVI-1-я пол. XVII вв.
Некнижный стиль	1-е/2-е лицо	<i>Князь есмь</i> , случаи типа <i>я князь</i> единичны	<i>Князь есмь/ я князь</i> (равное соотн.-е)	Я князь/ <i>князь есмь</i> (связочная модель знач. реже)	<i>Я князь</i>
	3 лицо	<i>Князь есть</i>	<i>Князь ∅_{cop}</i> >	Он князь	<i>Он князь</i>

			<i>он князь</i>		
Книжный стиль	1-е/2-е лицо	<i>Я есмь князь</i>	<i>Я есмь князь</i>	<i>Я есмь князь</i>	<i>Я есмь князь</i>
	3 лицо	<i>Князь естъ</i>	<i>Князь естъ</i>	<i>Князь естъ</i>	<i>Князь ∅_{cop}</i>

Таблица 1. Основные этапы экспансии местоимений в именных клаузах со сказуемым-существительным (на примере сказуемого *князь*).

В разделе 2.6 осуществляется анализ глагольных клауз, извлеченных из памятников бытового, делового и книжного стиля. Все вхождения глагольных клауз распределялись в зависимости от времени глагола (презент/перфект (претерит)), наличия/отсутствия местоимения, наличия/отсутствия связки (для перфектных клауз) и лица субъекта - (1-е/2-е VS 3-е). Затем проводился собственно статистический анализ, аналогичный тому, который осуществлялся для именных клауз. Общий объем данных составил 967 клауз бытового стиля, 1028 клауз делового стиля и 493 клаузы книжного стиля.

Итоговый анализ отразил, что глагольная связка 3-го лица в перфектных клаузах была утрачена в бытовых и деловых текстах уже в XI-XII вв., однако значимая экспансия местоимений происходит только в XIV-XV вв. (3-е лицо), практически одновременно с экспансией местоимений в именных клаузах. В дальнейшем (XVI в.) экспансия местоимений распространяется и на 1-е/2-е лица. В качестве непосредственного триггера всего процесса вычленяется, таким образом, падение связки в именных клаузах, которое случилось приблизительно на 150 лет позже утраты связки в перфекте и спровоцировало дальнейшую экспансию местоимений.

Данные делового стиля демонстрируют аналогичную картину для 3-го лица, однако в 1-м/2-м лицах экспансия местоимений здесь происходит приблизительно на 150 лет позже, что объясняется обилием застывших связочных клише и формул типа *(по)жаловали есмь...*, *докончал есмь...* и др. Книжные же тексты демонстрируют устойчивую архаичность практически на всем протяжении –

лишь во 2-й половине XIV-XV вв. в них происходит значимая утрата глагольных связок 3-го лица (*дадь есть* > *дадь Ø_{cop}*) и на этом процесс фактически останавливается, не «достигая» этапа экспансии местоимений.

В Главе 3 «Субъектная референция в истории латышского языка» освещаются основные данные по субъектной референциальной стратегии в старо- и современном латышском языке, а также проводится непосредственный диахронический анализ латышских памятников на предмет референциальной эволюции.

В Разделе 3.1 демонстрируются внешние сходства и различия современного латышского языка с русским. Несмотря на внешне схожую местоименно-аффиксальную стратегию во всех лицах, в диахронической перспективе ее развитие в латышском языке не имеет ничего общего с падением связок: в отличие от русского языка, никакой массовой утраты связок в латышском не было – ни в перфекте, ни в именных клаузах. При этом нулевая связка в латышском языке возможна, однако в глагольных клаузах она является маркером эвиденциальности, в силу чего распространение ее на клаузы с субъектом 1-го лица не представляется возможным.

В разделе 3.2 описываются основные принципы отбора текстов для дальнейшего извлечения клауз и на основании их данных прослеживается общая хронология эволюции. В работе показывается, что, несмотря на то, что самые ранние латышские тексты были написаны преимущественно немцами, среди них были авторы, прекрасно владеющие латышским языком. К ним относятся, в частности, Г. Манцель, автор первого немецко-латышского разговорника “*Phraseologia Lettica*” (1638 г.) и сборника 10 параллельных диалогов, на латышском и немецком “*10 sarunas*” (1638 г.); а также Ф. Д. Вар, переведший с немецкого произведение “*Kartupeļu dārzs*” (‘Картофельный сад’, 1790), содержащее в себе практические советы крестьянам по выращиванию картофеля

и отличающееся «народным», разговорным языком²⁹. Прекрасное владение латышским языком этих авторов демонстрируется и по непосредственно лингвистическим признакам, которые отражают целый ряд балтийских черт, не имеющих аналогов в немецком: гибкий порядок слов SVO (в противоположность немецкому V2), локативные посессивные конструкции с глаголом «быть» и посессором в дативе, соответствующие немецким транзитивным с глаголом «иметь», перевод немецких перфектных форм более близким по смыслу латышским претеритом (а не внешне схожим по строению перфектом), а также обилием клауз с нулевым местоимением, совершенно невозможных в немецком. По всем этим признакам данные произведений Ф. Манцеля и Ф. Вара могут считаться валидными и свидетельствовать о реальной картине в латышском языке своего времени.

Данные этих произведений (прежде всего, соотношение местоименных и безместоименных презентных³⁰ клауз в 1-м/2-м лицах) затем сравниваются с аналогичными данными латышских произведений XIX и XX вв., и статистический анализ (критерий χ -квадрат) демонстрирует отсутствие значимой разницы: и в текстах XVII в., и в современных данных соотношение местоименных клауз к безместоименным составляет около 75:25. Тем самым можно говорить о том, что современная референциальная стратегия в латышском языке существует уже с XVII в. Соответственно о том, что послужило триггером к экспансии местоимений, латышские памятники прямых данных не содержат.

В разделе 3.3 осуществляется анализ именных клауз латышского языка (579 клауз, данные произведений XIX-XX вв.) на предмет возможной тенденции к падению связок. Анализ отражает, что, несмотря на определенный процент бессвязочных клауз, основной стратегией маркирования референции в латышском языке во всех лицах является трехчленная модель с местоимением и глаголом-связкой: *es esmu vainīgs* ‘я есмь виноват’, *vinš ir vainīgs* ‘Он есть

²⁹ Pauls Daija, лекция <http://www.lsm.lv/raksts/dzive--stils/vesture/gramata-latvija-izverstas-instrukcijas-un-reizrekins-kartupelu-audzesana-18.gadsimta.a197852/>; см. также [Daija 2017: 47-48]

³⁰ Перфектных и именных клауз, равно как и клауз с редуцированным субъектом 3-го лица, в ранних текстах практически не встретилось.

виноват' (см. таблицу 2). Тем самым, внешне выраженного сходства с русским языком не наблюдается.

	Доля трехчл. моделей с местоимением и связкой	Доля двучл. моделей с местоимением	Доля двучл. моделей со связкой
1-2 лицо	61%	10%	29%
3 лицо	78%	20%	2%

Таблица 2. Частотность различных типов именных клауз с редуцированной субъектной референцией по данным латышского языка XIX-XX вв., средние значения (t-критерий Стьюдента, p-value= 0,01).

В разделе 3.4 анализируются латышские глагольные презентные и перфектные клаузы, извлеченные из памятников XIX-XX вв. Общий объем составил 1394 релевантные клаузы с местоимением и без. Итоговый анализ выявил следующие факты:

1. В перфектных клаузах субъектные местоимения 1-го и 2-го лица опускаются значимо чаще, чем в презентных/претеритных клаузах (χ -квадрат, p-value<0,05).
2. Местоимения 3-го лица опускаются значимо реже местоимений 1-го и 2-го лица, как в презенсе/претерите, так и в перфекте (χ -квадрат, p-value<0,05).³¹
3. Не обнаруживается значимой разницы между частотностью употребления местоимений 3-го лица с глаголом в презенсе и с глаголом в перфекте, в обоих случаях доля местоименных клауз является стабильно высокой и достоверно превышает 85%.

³¹ Данная особенность прослеживается и на материале русского языка (корпус рассказов «Веселые истории из жизни», <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny> .

Тем самым, никаких тенденций к выравниванию глагольной парадигмы по 3-му лицу, как это имело место в истории русского перфекта и именных клауз, в латышском языке не прослеживается.

В связи с этим для поиска внутриязыкового триггера к экспансии местоимений в работе было принято решение оттолкнуться от теории Г. Мюллера, объясняющей экспансию местоимений как следствие системного синкретизма глагольной флексии (после системной унификации парадигмы хотя бы в двух формах глагол «обедняется» и оказывается неспособен к однозначной идентификации референта по умолчанию). Поскольку ни в именных, ни в глагольных презентных, претеритных и перфектных клаузах подобной унификации парадигмы найдено не было, был осуществлен ее предметный поиск в других, менее частотных клаузах. Данный поиск дал результат – унификация парадигмы по 3-му лицу была обнаружена в латышском сослагательном наклонении: в одной из самых первых грамматик К. Фюрекера (XVII в.) прослеживаются реликты старого сослагательного наклонения с личными глагольными аффиксами в 1PL и 2PL, впоследствии начисто утраченными. Этот факт кардинальным образом отличает латышский язык от соседнего литовского, где никакого схожего выравнивания парадигмы не было, и доминирует архаичная референциальная стратегия. Эти данные позволяют предположить, что внутриязыковой триггер к латышской экспансии местоимений восходит ко времени до XVII в. и связан с унификацией личных форм сослагательного наклонения. Данный процесс сделал однозначную идентификацию референта невозможной и вызвал необходимость в появлении нового дополнительного показателя – личного местоимения.

В Главе 4 «Диахронические данные о субъектной референции в малых прибалтийско-финских языках» изучается модель маркирования референта в ижорском и водском языке в сопоставлении с русскими и латышскими данными.

В разделе **4.1** с помощью статистического анализа современных водских и ижорских текстов (полевые записи Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус, 2011 г.)

демонстрируется, что и в водском, и в ижорском языках во всех лицах доминирует модель с использованием субъектного местоимения и глагольных аффиксов. Этим водский и ижорский языки отличаются от большинства других финно-угорских языков, где немаркированной обычно является либо аффиксальная модель (мордовский, марийский; венгерский), либо имеется распределение по лицам – в 1-м/2-м лицах субъектные местоимения обычно опускаются, однако в 3-м лице фактически являются обязательными (финский, эстонский).

В разделе 4.2 осуществляется анализ водских и ижорских сказок, записанных в XIX в., в сопоставлении с современными текстами на этих языках. Общий объем релевантных клауз, извлеченных из старых водских и ижорских памятников XIX в. текстов, составил 219 единиц для водского языка и 92 – для ижорского. В силу единичных вхождений именных клауз к анализу в данном корпусе привлекались только глагольные презентные и претеритные клаузы, с разделением на 1-е/ 2-е VS 3-е лицо.

Результаты анализа показали, что единственная значимая (критерий χ^2 -квадрат, $p\text{-value} < 0.05$) разница в стратегии маркирования референции между водскими и ижорскими текстами XIX в., с одной стороны, и XXI в., с другой стороны, заключается в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица: и для водского, и для ижорского языка в сказках XIX в. в этих клаузах констатируется преимущественно аффиксальная стратегия маркирования референции, без использования субъектного местоимения, тогда как в современном языке в этих моделях уже доминирует местоименно-аффиксальная модель. Ситуация же в 1-м и 2-м лице остается без изменений – и в XIX, и в XXI вв. в обоих языках в этих формах немаркированной является местоименная модель. Тем самым, в истории водского и ижорского языков констатируется значимая экспансия местоимений в 3-м лице в период XX в. Для 1-го и 2-го лица в силу отсутствия более ранних данных начало экспансии местоимений выявить не представляется возможным. Однако при этом и в водском, и в ижорском языке в диахронической перспективе не прослеживается никакого системного синкретизма в личных глагольных

аффиксах: и в текстах XIX в., и в современных записях у финитных глагольных форм стабильно сохраняется дифференцированная флексия во всех лицах и числах.

В Главе 5 «Внешние факторы экспансии местоимений» исследуются возможные внешние сценарии языковых контактов, которые также могли способствовать референциальной перестройке.

В разделе **5.1** обсуждаются типологически возможные причины развития схожей референциальной модели в ареально близких языках (результат общей универсальной тенденции; результат различных независимых внутренних процессов; заимствование из одного языка в другой/ заимствование обоими языками из третьего)³². В отношении исследуемых в работе языков подробно анализируется последний вариант: заимствование из одного языка (в данном случае – из русского) в другой выглядит правдоподобным для ижорского и водского языков, поскольку с 30-х гг. XX в. носители последних интенсивным образом контактировали с русским населением и массово переходили на русский язык. Для собственно русского и латышского языков единственно возможным внешним сценарием видится вариант заимствования из третьего языка – нижненемецкого³³; непосредственные же контакты носителей русского и латышского языков с момента завоевания латышских территорий Ливонским Орденом (XIII в.) были фактически сведены на нет.

В разделе **5.2** по итогам проанализированных языковых данных обсуждаются два теоретически возможных варианта референциальной перестройки, которые могли стать следствием языкового контакта: 1) непосредственное упрощение глагольной парадигмы (утрата глагольных связок в русском, унификация условного наклонения в латышском), которое уже в дальнейшем в силу внутриязыковой неоднозначности повлекло за собой экспансию местоимений; 2)

³² Подробнее см. *Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds.) Areal Diffusion and Genetic Inheritance. Problems in Comparative Linguistics. New York: Oxford University Press, 2001. Pp. 1-4.*

³³ См. подробнее данную гипотезу в *Kibrik A. A. Peculiarities and origins of the Russian referential system. // Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska. / D. Bakker, M. Haspelmath M. (eds.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. P. 239 ff.*

непосредственное заимствование местоименной модели, без предварительного упрощения глагольной парадигмы (водский, ижорский языки). Эти два типа языковых изменений восходят к противоположным процессам, коррелирующим с понятием языковой сложности: если унификация глагольной парадигмы является частным случаем уменьшения сложности, то введение дополнительного субъектного местоимения к уже имеющейся аффиксальной стратегии говорит об увеличении языковой сложности. Согласно исследованиям П. Традгила³⁴, конкретный диахронический результат – уменьшение VS увеличение языковой сложности – напрямую связан с изначальным типом контакта и его социолингвистическими характеристиками, и в определенной степени даже может быть спрогнозирован. В силу этого в дальнейшем в разделе последовательно анализируются контакты русского-нижненемецкие (подраздел 5.2.1), латышско-нижненемецкие (подраздел 5.2.2), водско- и ижорско-русские (подраздел 5.2.3) контакты с точки зрения социолингвистических параметров, непосредственно связанных с языковой сложностью и ее уменьшением/ увеличением. После этого спрогнозированный результат сравнивается с ранее полученными конкретными языковыми данными (главы 2, 3, 4), и делается вывод о том, мог ли внешний сценарий иметь место для данного конкретного языка.

Итоговый результат показал, что для русского и латышского языков в целом на данный момент нет оснований считать, что их референциальная стратегия могла стать следствием внешнего контакта, однако для определенных кругов населения – прежде всего, русско-немецкой купеческой среды Риги, Новгорода. Пскова; куршских королей на западе Латвии – контакты с носителями нижненемецкого могли дополнительно способствовать упрощению глагольной парадигмы. Для носителей же водского и ижорского языков социолингвистическая ситуация однозначно свидетельствует в пользу того, что в этом случае имело место заимствование местоименно-аффиксальной модели из русского языка («усложнение» в результате длительного векового контакта). Тем

самым внешне идентичная референциальная модель в рассматриваемых языках балтийского ареала в диахронической перспективе оказывается результатом различных внутри- и внешнеязыковых сценариев.

В **заключении** формулируются выводы и обобщаются результаты проведенного исследования. Основные **выводы** данной работы заключаются в следующем:

1. В русском языке триггером к экспансии местоимений является совместная утрата глагольной связки 3-го лица в перфекте и именных клаузах, а не только утрата глагольной связки в перфекте;
2. В латышском языке вероятным триггером к экспансии местоимений является внутриязыковой процесс, связанный с упрощением глагольной парадигмы в условном наклонении (частный случай теории Г. Мюллера, связывающей системное «обеднение глагола» с дальнейшим распространением личных местоимений);
3. Для ижорского и водского языков перестройка референциальной стратегии, наоборот, является результатом контактов с носителями русского языка («усложнение» в результате длительного векового контакта).
4. Современная местоименно-аффиксальная референциальная модель в рассматриваемых языках балтийского ареала оказывается результатом различных внутри- и внешнеязыковых сценариев для каждого из языков.

Список литературы насчитывает 276 источников.

Приложение содержит полный список проанализированных в работе памятников древне- и старорусского языка XI-XVII вв.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора общим объемом 1,77 а. л. в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в

которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»:

1. Буденная Е. В. Экспансия местоимений в истории русского языка: именные клаузы. // *Rhema. Рема.* – Вып. 3. – М.: Издательство МПГУ, 2017а. – С. 40-64. – 0,94 а. л.
2. Буденная Е. В. Древнерусские именные клаузы в процессе экспансии местоимений: исключение, подтверждающее правило? // *Вестник МГУ. – Серия 9: Филология.* – № 4. – М., 2017б. – С. 199-208. – 0,38 а. л.
3. Буденная (Сидорова) Е. В. Русская референциальная система: историческая перестройка и ее возможное объяснение. // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических исследований РАН.* – Т. 12. – №. 1. – СПб., 2016. – С. 40-52. – 0,45 а. л.

В иных изданиях (1,13 а. л.):

4. Буденная Е. В. Субъектная референция в русском и латышском языке: следы единого процесса? // *Типология морфосинтаксических параметров: материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров».* – Вып. 3. – М.: МПГУ, 2016. – С. 56-65. – 0,38 а. л.
5. Sidorova E. On the evolution of Russian subject reference: internal factors. // *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia.* / P. Suihkonen, L. J. Whaley (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 2014. – Pp. 381–400. – 0,75 а. л.